

О способах материальнаго обезпеченія духовенства.

Вопросъ о средствахъ материальнаго обезпеченія духовенства выдвинуть самой жизнью и поставленъ довольно остро. По двумъ причинамъ онъ привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время усиленное вниманіе духовенства. Не отвѣчающая ни современнымъ экономическимъ условіямъ, ни достоинству духовенства плата за требоисполненіе, составляющая основной источникъ содержанія причтовъ, заставляетъ думать о другой, лучшей организаціи материальнаго обезпеченія. Съ другой стороны, бурныя сословно-политическія движенія послѣдняго времени естественно заставляютъ духовныхъ лицъ задуматься надъ своимъ будущимъ и вызываютъ основательную тревогу за свою судьбу. Теперь далеко не рѣдкость, что прихожане начинаютъ тяготиться установившимися взносами въ пользу причтовъ и уклоняться отъ оплаты требоисправленій, или таксируютъ послѣднія такъ низко, что это грозитъ полнымъ разореніемъ для духовенства.

Но прежде, чѣмъ оцѣнивать отдѣльные способы содержанія духовенства, мы сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній по этому вопросу.

Нельзя, прежде всего, вопроса о материальномъ обезпеченіи духовенства отклонять ссылкой на безкорыстный характеръ христіанской дѣятельности, вообще, и священнаго служенія, въ особенности. Безкорыстіе можно понимать лишь въ томъ смыслѣ, что интересы истины не приносятся въ жертву материальнымъ расчетамъ, а не въ смыслѣ полного отказа отъ материальныхъ средствъ, что физически не возможно. Отказъ духовенству въ вознагражденіи за труды повелѣтъ бы къ тому, что на духовныя должности могли бы поступать

одни богатые люди. А это и нежелательно, такъ какъ избраніе должно сообразовываться не съ богатствомъ кандидата, а съ его нравственнымъ достоинствомъ, — и невозможно, такъ какъ богатые люди обычно погружены въ свои хозяйственныя заботы и потому лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ согласились бы отдавать свое время и силы на служеніе церкви.

Кромѣ того, нельзя не видѣть противорѣчія въ томъ, что во имя безкорыстія избираются богачи. Впрочемъ, въ наше время, когда трудъ признается единственнымъ и вполне достаточнымъ правомъ на средства къ жизни, мало найдется принципиальныхъ противниковъ оплаты труда духовенства. Что христіане обязаны содержать свое духовенство, это для современнаго ума составляетъ нравственную и юридическую аксіому.

Если желательно, чтобы классъ духовенства состоялъ изъ достойныхъ людей, умственно и нравственно развитыхъ, то матеріальное обезпеченіе его должно быть достаточнымъ. По общему правилу, чѣмъ выше трудъ по интенсивности и качеству, тѣмъ лучше онъ долженъ оплачиваться. Только исключительные люди, которыхъ всегда бываетъ весьма немного, согласятся работать за меньшее вознагражденіе, чѣмъ какое они могутъ получить на доступныхъ имъ поприщахъ труда. На скудно оплачиваемыя должности пойдутъ люди, которые не надѣются заработать больше, т. е. люди невысокихъ качествъ. Если напр., священникъ будетъ получать такое же содержаніе, какъ писецъ, почтальонъ, кондукторъ, то, за рѣдкими исключеніями, ряды духовенства будутъ наполняться лицами съ такою же въ общемъ подготовкой, какая требуется или обычна для указанныхъ профессій. Это экономическій законъ, котораго нельзя измѣнить никакими сантиментальными разглагольствованіями.

Если у насъ священники большею частію обладаютъ семинарскимъ образованіемъ, то отсюда мы имѣемъ полное право сдѣлать выводъ, что они получаютъ въ среднемъ вознагражденіе, на какое у насъ могутъ рассчитывать кончившіе среднюю школу. Поэтому нельзя обращать серьезнаго вниманія на жалобы, что духовенство очень бѣдно. Если бы доходы его были незначительны, то, значить, оно состояло бы изъ лицъ съ соответствующей невысокой подготовкой, ко-

корыя не могутъ надѣяться на лучшее матеріальное обезпеченіе.

Отсюда, однако, нельзя сдѣлать вывода, что дѣло содержанія духовенства у насъ поставлено удовлетворительно. Въ данномъ случаѣ, прежде всего нужно условиться, какая подготовка желательна для духовенства. Едва ли кто станетъ спорить съ тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, священники должны пройти среднюю школу; а для городскихъ приходовъ желательны пастыри съ высшимъ образованіемъ. Если мы согласимся это признать, то должны будемъ сказать, что наличныя матеріальныя условія не могутъ обезпечить за церковью пастырей съ такою подготовкой. На окраинахъ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ или замѣчается усиленный спросъ на интеллигентный трудъ, или приходы бѣдны, епархіальная власть вынуждена давать священническія мѣста и лицамъ, не прошедшимъ курса средней школы. Священниковъ же съ академическимъ образованіемъ мало и въ губернскихъ городахъ.

Есть всѣ основанія думать, что личный составъ духовенства идетъ къ пониженію своего образовательнаго уровня. Вотъ факты. Еще недавно духовныя академіи могли дѣлать строгій выборъ между студентами семинарій. Въ послѣдніе же годы, даже при снисходительныхъ экзаменахъ, не всегда удается набрать полный комплектъ студентовъ. Поднять уже вопросъ о томъ, чтобы предоставить право держанія приѣмныхъ испытаній въ академіи всѣмъ окончившимъ семинарскій курсъ, т. е. предполагается понизить образовательный уровень кандидатовъ богословія. Значить, теперь студенты духовныхъ семинарій считаютъ для себя невыгоднымъ оставаться въ духовномъ вѣдомствѣ. Даже казенное содержаніе, которое дается большинству учащихся въ академіяхъ, не привлекаетъ ихъ туда. Это особенно стало замѣтно въ самое послѣднее время, когда семинаристамъ открыли, наконецъ, довольно свободный доступъ во всѣ университеты, и когда огромный процентъ самыхъ лучшихъ и даровитыхъ питомцевъ семинаріи уходитъ въ университеты, измѣняя своей духовной школою и своему традиціонному пути. Ясно, что они предпочитаютъ на свои скудные гроши учиться въ высшихъ свѣтскихъ школахъ, чѣмъ быть обезпеченными студентами духов-

ныхъ академій. Нужно впрочемъ добавить, что кромѣ экономическихъ причинъ въ данномъ случаѣ огромное значеніе имѣютъ и культурно-правовыя. Крайній гнетъ, безправіе, разъединенность, отсталость, господствующія въ духовномъ вѣдомствѣ, и какъ слѣдствіе этого—пренебрежительное отношеніе интеллигенціи къ духовенству,—вотъ могучія причины, которыя побуждаютъ духовное юношество искать для себя новыхъ поприщъ и бросать проторенные пути. Настоятельно необходимы поэтому коренныя реформы какъ въ экономическомъ, такъ и въ правовомъ положеніи духовенства, наряду съ преобразованіями въ церковномъ строѣ вообще. Отстраненіе значительной части интеллигенціи отъ церкви, замѣчаемая вражда къ духовенству среди простонародья со временемъ должны еще болѣе усилиться, вслѣдствіе ухудшенія личнаго состава духовенства. А тогда произойдутъ страшныя потрясенія въ церковной жизни, прежде чѣмъ она обновленная, выведенная на болѣе широкую и свѣтлую дорогу найдетъ въ себѣ силы снова успокоиться.

Такимъ образомъ мы нашли, что экономическое положеніе духовенства въ настоящее время ненормально и является одною изъ причинъ, тормозящихъ правильный ходъ церковной жизни. Конечно, требуемая реформа не можетъ быть проведена обособленно, внѣ связи съ другими преобразованіями. Во всякомъ случаѣ, чтобы нужныя мѣры были проведены скорѣе и лучше, необходимо, чтобы само духовенство выработало себѣ опредѣленный взглядъ на свое экономическое положеніе и старалось добиться улучшеній въ этомъ отношеніи, руководясь широкими интересами, чуждыми своекорыстія и рутины.

Желая посодѣйствовать этой цѣли, мы по мѣрѣ силъ, выскажемъ нѣсколько критическихъ замѣчаній относительно существующихъ способовъ содержанія нашего духовенства, и предложимъ свой, на нашъ взглядъ, наиболѣе рачіональный.

Самую значительную долю своихъ средствъ причты получаютъ посредствомъ платы за требоисправленіе. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что этотъ способъ вознагражденія за трудъ крайне неудовлетворителенъ. Прежде всего, плата за требы создаетъ тягостныя отношенія между мірянами и духовенствомъ. Рѣчь о деньгахъ и сельскохозяй-

ственныхъ продуктахъ заходить какъ разъ въ наиболѣе важные моменты религіозной жизни. Совершается крещеніе младенца. Новый членъ присоединяется къ церкви Христовой. И вотъ, наряду съ этимъ торжествомъ поднимается вопросъ о копѣйкахъ, какія должны быть уплачены за совершеніе таинства. Умеръ прихожанинъ. Въ домѣ горе, плачь; остается одно—религіозное утѣшеніе; но тутъ какъ изъ-подъ земли является вопросъ о рубляхъ за погребеніе, которыхъ иногда нѣтъ въ наличности, и между родными покойнаго и причтомъ устанавливаются натянутыя, иногда враждебныя отношенія. Въ большіе праздники духовенство съ молитвой обходитъ дома прихожанъ. Трогательная картина. Но она страшно портится собираніемъ грошей и телѣгами, нагруженными зерномъ, хлѣбомъ, живою птицей и пр. Къ платѣ натурой присоединяется угощеніе, которое часто ведетъ къ обжорству и пьянству. Какъ все это грубо и противно современнымъ правамъ! Большинство духовныхъ лицъ тяготится этою платой, и вѣроятно многіе опустили, огрубѣли или же затосковали и стали тянуть горькую. вслѣдствіе тѣхъ систематическихъ униженій, съ какими соединено для нихъ добываніе матеріальныхъ средствъ.

Плата за требы портитъ духовенство и прихожанъ и разрушаетъ добрыя отношенія между ними. Члены причта, желая получить „свое“, не всегда удерживаются отъ вымогательствъ. Они опасаются, что „послабленія“ вызовутъ пониженіе средняго размѣра вознагражденія и даже случаи полного уклоненія отъ платы. И въ этомъ они отчасти правы. Конечно, можно много наговорить на тему, что если духовенство само стоитъ на высотѣ призванія, то прихожане не допустятъ его до бѣдности. Все это такъ, но вотъ бѣда: люди, дѣйствительно стоящіе на высотѣ, вовсе такъ не разсуждаютъ и при значительныхъ доходахъ умѣютъ быть бѣдными; а тѣ, которые бѣдняками не желаютъ быть, не чувствуютъ себя достигшими высоты, ни даже способными подняться на нее. И разъ они хотятъ располагать достаточными средствами, то разсчитывать на прибыльность духовнаго совершенства, непременно соединеннаго съ добровольной нестяжательностью, имъ не приходится. Такимъ образомъ, ходячее разсужденіе оказывается противорѣчивымъ и неприимѣнимымъ на дѣлѣ.

Въ распоряженіи духовенства есть много средствъ давленія на прихожанъ съ цѣлю получить „свое“. Дѣло въ томъ, что требы, кромѣ своего церковнаго значенія, имѣютъ еще значеніе гражданское. Причтъ обязанъ вести метрическія книги и слѣдить за соблюденіемъ законности въ бытѣ прихожанъ, т. е. на него возложены частію обязанности полицейскія. Причтъ въ этомъ случаѣ сознаетъ зависимость прихожанъ отъ себя и подѣль частью пользуется ею, чтобы ихъ „прижать“. Прихожане тоже видятъ свою зависимость и потому подчиняются. Напр., погребеніе оплачивается, значительно дороже нежели крещеніе. Это потому, что въ первомъ случаѣ прихожане сильнѣе зависятъ отъ причта, нежели во второмъ. Такъ, по закону можно хоронить покойника лишь черезъ трое сутокъ. Но беречь тѣло такъ долго очень стѣснительно для переполненной людьми избы; лѣтомъ же и совсѣмъ тяжело, въ виду скорого разложенія трупа. Хоронятъ ранѣе; но это снисхожденіе не даромъ дается. Иной разъ причтъ отказывается хоронить и въ срокъ, если плата не внесена, и крестьянинъ уступаетъ, потому что онъ боится всякаго „начальства“ и привыкъ ему уступать. Иногда при погребеніи возникаетъ вопросъ о чрезвычайныхъ причинахъ смерти. Крестьянинъ, чтобы не доводить дѣла до начальства („судъ найдетъ, отвѣчай-ка: съ нимъ я вѣкъ не разберусь“), соглашается уплатить лишнее. Конечно, далеко не всегда указанные мотивы выступаютъ наружу. Мы хотѣли только уяснить тѣ скрытыя причины, отъ которыхъ зависитъ размѣръ платы за отдѣльныя требы, и которыя дѣйствовали въ теченіе очень длиннаго періода времени. Въ настоящее время очень можетъ случиться, что ни священникъ, ни прихожанинъ даже и не подозрѣваютъ тѣхъ причинъ, по которымъ крещеніе оплачивается гривенниками, а погребеніе рублями.—Особенно высока плата за вѣнчаніе. И здѣсь неразвитый прихожанинъ сильно зависитъ отъ причта. Онъ не можетъ высчитать степеней родства и думаетъ, что въ пныхъ случаяхъ батюшка можетъ оказать снисхожденіе. Большое значеніе имѣетъ время вѣнчанія. Подѣль разными благовидными предлогами причтъ можетъ отказаться отъ вѣнчанія въ условленный срокъ. Между тѣмъ къ свадьбѣ долго готовятся, сзываютъ гостей, дѣлаютъ крупныя затраты. Чтобы не вышло заминки, прихожанинъ заранѣе долженъ задобрить причтъ,

приходя съ „повѣстью“, а за совершеніе таинства заплатитъ очень высокую для крестьянскаго бюджета сумму, около 10 рублей. Зато требы, въ которыхъ прихожанинъ не чувствуетъ себя зависимымъ отъ причта, оплачиваются грошами. Священникъ ѣдетъ для напутствованія больного за нѣскольکو верстъ, часто ночью и въ дурную погоду, и ему платятъ 5—10 копѣекъ. За исповѣдь даютъ еще меньше (теперь совсѣмъ запрещено брать). Дѣло въ томъ, что въ указанныхъ случаяхъ священникъ не имѣетъ возможности „прижать“ прихожанина, подъ страхомъ суровой отвѣтственности по духовному суду.

Въ свою очередь, прихожане иной разъ не оплачиваютъ по совѣсти труда духовенства. Зная, что по закону причтъ обязанъ довольствоваться добровольной платой, они, случается, платятъ мало или совсѣмъ отказываются платить, ссылаясь на бѣдность, рѣже безъ объясненій, демонстративно. И причтъ безсиленъ отстоять свои интересы. Между тѣмъ нужда даетъ о себѣ знать. Къ ней присоединяется чувство обиды и безпомощности. При подобныхъ условіяхъ легко упасть духомъ и проникнуться крайнимъ пессимизмомъ. Наше время, время переоцѣнки старыхъ взглядовъ и порядковъ, особенно часто вызываетъ въ духовенствѣ горькое сознание ненормальности своего экономическаго положенія.

Понятно то горячее сочувствіе, съ которымъ наше духовенство отнеслось къ увеличенію государственныхъ средствъ на жалованье духовенству. Одни хотѣли увеличить свои средства, другіе мечтали о томъ, что, можетъ быть, они скоро совсѣмъ избавятся отъ тягостной необходимости брать копѣйки и куски хлѣба съ бѣдныхъ прихожанъ. Всѣ желали улучшить свои отношенія къ прихожанамъ, разстроенныя злосчастной платой за требы.

Не раздѣляя увлеченія этимъ способомъ содержанія церкви, мы однако охотно признаемъ, что получать деньги изъ казначейства приличнѣй, чѣмъ ѣздить на лошади по деревнѣ и собирать новину, христовское, на просфоры и т. п. Но мы готовы бороться съ мыслью, будто казенное жалованье—лучшій способъ содержанія причтовъ. Прежде всего, мы далеко не раздѣляемъ тѣхъ надеждъ, которыя часто связываются съ открытіемъ казеннаго сундука для духовенства. Говорятъ, что священникъ, освобожденный отъ житейскихъ

попеченій, весь отдается выполненію пастырскихъ обязанностей; что онъ будетъ имѣть большій авторитетъ въ глазахъ прихожанъ, разъ не будетъ зависѣть отъ нихъ въ кускѣ хлѣба. Эти соображенія обладаютъ ничтожнымъ вѣсомъ. Сами по себѣ матеріальныя блага не дѣлаютъ людей добрыми и честными. Наша бюрократія доказала убѣдительно, какія добродѣтели усваиваютъ люди, тепло устроившіеся у казеннаго мѣшка. Разъ человѣкъ матеріально обезпеченъ, онъ слишкомъ бываетъ склоненъ къ бездѣтельности и косности. У чиновниковъ исправная работа вызывается постояннымъ контролемъ и карьерой. Но духовное служеніе по существу дѣла не можетъ подлежать мелочному надзору, а движенія по службѣ почти не можетъ быть. Общественное мнѣніе не можетъ получить должнаго вліянія, потому что казенное жалованье избавитъ духовенство отъ ближайшей зависимости отъ общества. Вообще, обезпеченность сродни безпечности.

Что касается авторитета, то, конечно, его нельзя основывать на экономической независимости. Священнику легко будетъ учить своихъ пасомыхъ безкорыетію, когда ему самому нужда не угрожаетъ. Онъ будетъ учить другихъ въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой, когда самъ будетъ получать его отъ государства. Онъ будетъ молиться лишь за другихъ о насущномъ хлѣбѣ. Такъ какъ сытый голоднаго не понимаетъ, то и поученія такого нанятаго казной проповѣдника часто будутъ казаться написанными на чужомъ языкѣ.

Главнымъ условіемъ для поднятія и сохраненія авторитета духовенства является его искренность, его независимость отъ чуждыхъ вліяній и служеніе чистой правдѣ. Но для этого необходимо обезпечить за духовенствомъ самостоятельность. Самостоятельность же невозможна при экономической зависимости. По общему правилу—кто отъ кого кормится, тотъ тому и служить. Разъ правительство даетъ средства на содержаніе церкви, оно непременно будетъ пользоваться авторитетомъ церкви для своихъ цѣлей, заставить ее служить себѣ. Едва ли нужно будетъ приводить для доказательства историческіе факты. Они общеизвѣстны. Но если въ ученіи и дѣятельности священника будетъ сквозить тенденціозность, если онъ станетъ агентомъ и адвокатомъ правительства и

политической партіи, то въ этомъ онъ найдетъ могилу для своего духовнаго авторитета. *Пастырь—слуга Христавъ и не долженъ дѣлаться работою челоуковъ.* Онъ — воинъ Царства Божія, и неумѣстно ему превращаться въ защитника мірскаго царства съ его преходящими формами, интересами и представителями. Но, повторяю, эту независимость можно обезпечить сполна лишь въ томъ случаѣ, если церковь не будетъ пользоваться матеріальной поддержкой со стороны мірскаго власти.

Самый выборъ кандидатовъ на духовныя мѣста непременно будетъ сильно зависѣть отъ государства, разъ послѣднее будетъ содержать духовенство. Отъ правительства не зависить лишь выборъ должностныхъ лицъ, которыя содержатся на мѣстныхъ средствахъ. Но оно не можетъ отдать въ чужія руки назначеніе тѣхъ служащихъ, которымъ оно само платить жалованье. При этихъ условіяхъ едва-ли осуществимо выборное начало при назначеніи духовныхъ лицъ. А разъ правительство присвоить себѣ выборъ, или по крайней мѣрѣ контроль надъ нимъ, то оно постарается проводить въ ряды духовенства своихъ сторонниковъ. А тогда о независимости духовенства и свободѣ церкви отъ государственной опеки нечего и говорить.

Правда, если правительство будетъ зависѣть отъ народнаго представительства, то, повидимому, нечего опасаться его вмѣшательства въ выборъ духовенства. Вѣдь тогда правительство является носителемъ народной воли. Однако, нельзя упускать изъ виду, что правительство всегда бываетъ партійнымъ, зависить отъ господствующихъ въ данный моментъ общественныхъ классовъ. Между тѣмъ духовенство, разумѣется, должно стоять внѣ и выше партіи. Нельзя допустить того, чтобы борющіяся за мірскіе интересы и власть политическія партіи обращали духовенство въ орудіе для своихъ цѣлей и попеременно заставляли его поддерживать различныя программы.

Есть и другая невыгодная сторона такого порядка. Современныя государства состоятъ изъ разновѣрнаго населенія. Это особенно придется сказать о Россіи. Въ ней православныя составляютъ около 70% всего населенія. Между тѣмъ, государственныя средства идутъ со всѣхъ жителей имперіи, такъ что католики, протестанты, магометане, язычники будутъ участвовать въ содержаніи православнаго духовенства,

а ихъ представители въ парламентъ будутъ вліять на выборъ членовъ духовенства. Трудно придумать болѣе ненормальное явленіе. А оно неизбѣжно при содержаніи духовенства на государственныя средства.

Въ настоящее время у насъ сельскіе и отчасти городскіе причты надѣлены земельными участками, которые даютъ значительный доходъ духовенству. Въ былое время монастыри, архіерейскія каѳедры и нѣкоторые храмы владѣли обширною земельною собственностью. Въ западно-европейскихъ странахъ въ средніе вѣка церковное землевладѣніе было сильно развито. Случалось, что церковныя земли занимали до третей части государственной территоріи. Что сказать объ этомъ источникѣ содержанія церкви? Историческія справки показываютъ, что церковное землевладѣніе соединено съ большими неудобствами. Прежде всего, оно портитъ взаимныя отношенія церкви и государства. Достаточно припомнить, что во всѣхъ европейскихъ странахъ была проведена секуляризація церковныхъ земель. Съ землей связаны существенныя и разнообразныя интересы государства и оно не можетъ допустить, чтобы значительная часть земли отошла въ вѣдѣніе церкви. Кромѣ того, церковныя земли обычно составляютъ неподвижный капиталъ, не поступають на рынокъ; а это находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ характеромъ и нуждами современнаго народнаго хозяйства.

На самую церковную жизнь земельная собственность оказываетъ вредное вліяніе. За обладаніе ею возникаетъ жестокая и унижительная борьба между кандидатами на церковныя должности. Не стадо Христово, а земля дѣлается предметомъ стремленія. Припомнимъ, до какого униженія въ средніе вѣка доходилъ папскій престолъ, соединенный съ церковной областью. За этотъ престолъ вели кровавую борьбу бароны папской области и часто возводили на него нравственныхъ чудовищъ. Только реформа Григорія VII отчасти покончила съ этимъ зломъ, прекратившимся совѣмъ лишь послѣ секуляризаціи папскихъ владѣній во второй половинѣ истекшаго столѣтія. Равнымъ образомъ епископскія каѳедры замѣщались членами знатныхъ фамилій въ цѣляхъ обладанія обширными церковными имѣніями. Въ Германіи иные епископы были крупными государями и, конечно, менѣе всего походили на епископовъ. Реформація уничтожила это

ненормальное явленіе посредствомъ секуляризаціи церковныхъ земель.—У насъ до XVIII вѣка епископы и настоятели монастырей набирались тоже преимущественно изъ знатныхъ фамилій, что вело къ аристократическому складу церковнаго управленія. Главная причина крылась въ церковномъ землевладѣніи.

Постоянный, обеспеченный доходъ съ церковныхъ земель долженъ худо отражаться на нравахъ церковнаго общества. Собственность тогда лишь полезна, когда ею пользуются для хорошихъ дѣлей. А чтобы установить соотвѣтствіе между имуществомъ и добрыми намѣреніями, для этого нужно поставить размѣры имущества въ зависимость отъ такихъ намѣреній. Это будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если матеріальныя средства церкви будутъ состояться изъ добровольныхъ пожертвованій. Если въ церковномъ обществѣ будетъ много благочестивой ревности, то не будетъ недостатка и въ средствахъ. При упадкѣ добрыхъ стремленій сократится и потокъ пожертвованій, что предупредитъ злоупотребленіе матеріальными средствами. Наличность же обильныхъ средствъ при низкомъ духовномъ уровнѣ всегда вызываетъ распущенность, хищническія наклонности и лицемѣріе. Ужасающая безнравственность при этихъ условіяхъ пышно расцвѣтаетъ, прикрываясь благочестіемъ. Въ такомъ положеніи была католическая іерерхія въ средніе вѣка. Это же отчасти можно сказать про наше современное монашество. Святыни монастырей обеспечиваютъ за послѣдними обильныя средства, которыя въ свою очередь привлекаютъ въ ряды иноковъ немало и охотниковъ до сытой и безпечной жизни.

Едвали также церковное землевладѣніе можно примирить съ безкорыстіемъ церкви Христовой. Когда мірскіе люди, особенно бѣдняки, будутъ колоть глаза духовенству указаціями на его обширныя земли, что оно имъ отвѣтитъ? И какъ оно при этомъ исполнитъ заповѣдь Христа: „Не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящійся достоинъ пропитанія“ (Мѡ. X, 9—10). Это заповѣдь для христіанскаго духовенства на всѣ вѣка.

Почти несомнѣнно, что пока вопросъ о содержаніи духовенства будетъ рѣшенъ въ смыслѣ обезпеченія его казеннымъ жалованьемъ. Очень можетъ быть, что за нимъ оста-

нутя теперешніе земельные надѣлы. Будемъ по крайней мѣрѣ знать, что это далеко не лучшее разрѣшеніе вопроса. Разумѣется, евангельское его рѣшеніе предполагаетъ и согласную съ евангеліемъ жизнь духовенства. При современныхъ условіяхъ гораздо лучше было бы возложить содержаніе духовенства на преобразованныя приходскія общины. Послѣднія должны установить опредѣленные взносы на содержаніе храма и причта. Плата за требы безусловно нуждается въ отмѣнѣ. Обложеніе же въ пользу причта должно сообразоваться съ количествомъ прихожанъ и размѣрами ихъ средствъ. Причтовые земли лучше отдать крестьянамъ, сильно нуждающимся въ землѣ. Все равно вѣдь духовенство никогда не будетъ проводникомъ агрономическихъ знаній и насадителемъ интенсивной сельско-хозяйственной культуры въ деревнѣ.

Такой способъ содержанія духовенства, введенный при поддержкѣ свѣтской и духовной власти, имѣетъ многое за себя. При немъ духовенство не было бы оторвано отъ церковной общины и въ то же время не испытывало бы зависимости отъ каждаго въ отдѣльности прихожанина. Кромѣ того, духовенство, экономически независимое отъ правительства, чувствовало бы себя самостоятельнымъ и не было бы вынуждено обращать церковную кафедру въ политическую трибуну для обязательной защиты существующаго режима. Самъ по себѣ, этотъ источникъ содержанія очень эластиченъ и гораздо легче можетъ приспособляться къ измѣняющимся частнымъ и общимъ условіямъ быта. Важно и то, что лишь одни православные будутъ нести расходы на церковь.

В. Кедровъ.

Отъ редакціи. Помѣщая только что приведенную статью, редакція журнала руководилась не столько достоинствомъ самой статьи, сколько крайней важностью и жизненнымъ интересомъ затронутаго въ ней вопроса. Краткая, публицистическая статья г. Кедрова конечно, и не претендуетъ на академически научное и всесторонне полное освѣщеніе такого сложнаго и труднаго предмета, какъ дѣло матеріальнаго обезпеченія духовенства. Но въ предѣлахъ своей, болѣе узкой задачи—дать краткую оцѣнку существующихъ и

предлагаемыхъ способовъ обезпеченія духовенства—она, во всякомъ случаѣ, достигаетъ своей цѣли. Статья, прежде всего, довольно убѣдительно доказываетъ необходимость приличнаго матеріальнаго обезпеченія духовенства. Духовенство въ этомъ отношеніи должно быть поставлено ни сколько не хуже, если еще не лучше, въ силу особой трудности и отвѣтственности этого служенія, всѣхъ другихъ общественныхъ профессій. Слѣдовательно, оно должно получать вознагражденіе ни сколько не меньше того, что получаютъ въ среднемъ выводѣ лица одинаковаго съ нимъ образовательнаго ценза и на всѣхъ другихъ поприщахъ общественно-государственной службы; т. е. священникъ съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ долженъ быть обезпеченъ приблизительно также, какъ и всякій чиновникъ съ законченнымъ среднимъ образованіемъ. А академическое духовенство должно быть сравнено въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія съ лицами, получившими высшее образованіе. Затѣмъ, авторъ, хотя и очень кратко, но достаточно сильно критикуетъ, какъ крайнюю ненормальность существующаго способа матеріальнаго довольства (плата за требы и сборъ продуктами), такъ и наиболѣе часто предлагаемыя виды его замѣны—или государственнымъ жалованьемъ, или земельнымъ надѣломъ. Въ общемъ, трудно не согласиться съ авторомъ и здѣсь, хотя, въ частности, кое-что ему и можно возразить.

Авторъ наноситъ сильный ударъ главной мечтѣ почти всего, въ особенности, сельскаго нашего духовенства, его надеждѣ на казенное жалованье. И въ этомъ мы вполне солидарны съ авторомъ и готовы даже, съ своей стороны, еще болѣе усилить его полемическіе доводы. Главное зло получки государственнаго жалованья—это превращеніе пастырей въ наемниковъ правительства, въ агентовъ и проводниковъ его, нерѣдко измѣнчивыхъ взглядовъ, въ людей двадцатаго числа, какъ то убѣдительно и ясно раскрылъ авторъ. Но горячіе защитники „казеннаго жалованья“ пытаются оспаривать подобные аргументы и потому необходимо считается и съ ихъ возраженіями. Обычно, въ такихъ случаяхъ говорятъ, что вѣдь не всѣ-же „люди двадцатаго числа“ непременно утрачиваютъ свою самостоятельность и превращаются въ правительственныхъ чиновниковъ? Вѣдь, вотъ

же профессора высшихъ учебныхъ заведеній—различныхъ академій, институтовъ и университетовъ—точно также получаютъ свое содержаніе отъ государства. А между тѣмъ, ихъ никто не называетъ „людьми двадцатаго числа“ и никто не бросаетъ имъ упрека въ утратѣ самостоятельности, честности и независимости ихъ убѣжденій.

Какъ ни сильно это сравненіе, но послѣ болѣе внимательнаго его разбора, отъ него не остается почти ровно ничего для защиты оспариваемаго положенія. Прежде всего, серьезнаго ограниченія требуетъ самый фактъ якобы полной самостоятельности и независимости профессоровъ отъ выдающей имъ содержаніе правительственной власти. Развѣ мало мы знаемъ и историческихъ и современныхъ примѣровъ того, какъ наиболѣе честные и независимые профессора, не хотѣвшіе приспособлять своихъ научныхъ курсовъ къ случайнымъ взглядамъ и видамъ ихъ начальства, принуждаемы были оставлять катедры? Развѣ имена Н. Гилярова-Платонова, Щапова, Терновскаго, Муромцева, Спасовича, Милюкова, Виноградова и длиннаго списка другихъ очень видныхъ, всѣми уважаемыхъ и исторически оцѣненныхъ изгнанниковъ нашихъ университетовъ и академій не говорятъ о томъ, какъ трудно даже и на посту профессора быть одновременно и глашатаемъ науки и слугой правительственной власти?

Но сдѣлаемъ серьезную уступку въ этомъ пунктѣ—согласимся признать фактъ сравнительной независимости и почетности положенія профессора, несмотря на получение имъ казеннаго жалованья. Однако и тогда, если мы объективно будемъ сравнивать положеніе профессора и сельскаго священника (разумѣется, только со стороны ихъ служенія и общественно-правоваго положенія), мы должны признать столь глубокое различіе между ними, которое дѣлаетъ невозможнымъ почти никакое сравненіе.

Каждый профессоръ того или другаго высшаго учебнаго заведенія есть не столько чиновникъ правительства, сколько членъ, болѣе или менѣе автономной, самоуправляющейся коллегіи данной высшей школы. Отъ этой коллегіи, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ самый выборъ профессора, ей принадлежитъ ближайшій, фактический контроль за его научной работой, на ея же моральной и юридической отвѣтственности лежатъ и защита своего члена передъ выс-

шими центральными учрежденіями правительственной власти. Такимъ образомъ, автономная коллегія профессоровъ—будетъ ли она называться совѣтомъ, конференціей, или какъ-либо еще—вотъ, то прибѣжище и сила, на которую опирается каждый профессоръ и которая даетъ ему, относительно говоря, нѣкоторую самостоятельность и свободу въ его научной дѣятельности. Ничего даже и отдаленно непонимающаго собою все это нѣтъ у нашего духовенства. Здѣсь, каждый священникъ, въ особенности затерявшійся въ сельской глуши, представляетъ собой отдѣльную разрозненную единицу, подавленную массой различнаго духовнаго и свѣтскаго начальства. Слѣдовательно, мечтать при наличности такихъ условій, о сохраненіи какой бы то ни было независимости и самостоятельности, это значитъ совершенно игнорировать всякую жизненную логику.

Но, возразятъ намъ, вѣдь у забитаго сельскаго пастыря и теперь нѣтъ никакой самостоятельности? Вѣдь и въ настоящее время онъ сильно побаивается благочиннаго и ужъ положительно трепещетъ предъ архіереємъ? Пусть, такъ. Но теперь священникъ зависимъ только отъ своей же, духовной власти, которая его и казнить и милуетъ. А тогда, т. е. въ случаѣ платы труда священника жалованьемъ изъ казны, онъ будетъ въ такой же, если еще не большей мѣрѣ, зависѣть еще и отъ свѣтской власти, которая тогда уже безъ всякой церемоніи, по праву хозяина, потребуетъ себѣ отъ духовенства какой угодно службы. Недаромъ сложилась пословица: „не бей дубьемъ, а бей рублемъ“; и тотъ, кто бьетъ рублемъ, всегда попадаетъ въ самое больное и чувствительное мѣсто. И будетъ надъ головой духовенства, въ случаѣ получки имъ казеннаго жалованья висѣть двѣ инвеституры: прежняя—духовная и еще новая, или точнѣе, давящая съ новой силой—свѣтская, правительственная инвеститура, которая будетъ давать знать о себѣ, пожалуй, еще чувствительнѣе, чѣмъ духовная.

Нельзя, наконецъ, не обратить вниманія и на разность характера и окружающихъ условій въ служеніяхъ профессора и священника. Профессоръ имѣетъ дѣло, прежде всего, съ своей наукой, которую онъ обязанъ развивать и совершенствовать; а во вторыхъ, съ своей аудиторіей, куда онъ приходитъ въ извѣстные, строго опредѣленные часы и ведетъ

условную, также заранѣе совѣтомъ установленную, работу. Пастырь церкви, развѣ только очень мало, обращается съ мертвой наукой; но за то постоянно—съ живыми людьми. Для этихъ пастырско-приходскихъ взаимоотношеній у него нѣтъ и быть не можетъ никакой регламентаціи, ничего заранѣе условленнаго и предусмотрѣннаго: подобно врачу, онъ долженъ быть готовъ всегда, во всякое время дня и ночи, идти на зовъ своего прихожанина, нуждающагося въ благодати таинствъ, или въ его пастырскомъ утѣшеніи. А рѣшится-ли кто, положи руку на сердце, утверждать, что сытый, обеспеченный правительствомъ и матеріально нисколько независимый отъ своего прихода, священникъ будетъ всегда столь же легко и охотно идти на такъ называемыя требы? Теперь, кромѣ всѣхъ прочихъ соображеній, а нерѣдко б. м. и больше ихъ всѣхъ, его гонить и матеріальной интересъ—извѣстнаго заработка за потребу; ну а тогда—то, что будетъ побуждать его къ такой исправности? Вѣдь однихъ безкорыстно—идейныхъ, чисто—пастырскихъ порывовъ будетъ, пожалуй, часто и не хватать?

Да, съ другой стороны и простая сѣрая, деревенская масса прихожанъ, — вѣдь это далеко не то, что культурная и умственно развитая студенческая среда слушателей любаго профессора. Послѣдняя всегда сама представляетъ лучший контроль надъ лекціями профессора и надъ всѣмъ вообще, его научнымъ направленіемъ. Такъ что аудиторія сама всегда заставляетъ профессора подтягиваться и быть, что называется, на высотѣ своего положенія. Совершенно иное представляетъ, собой сѣрая масса деревенскаго прихода. Она не въ состояніи контролировать дѣятельность священника и не можетъ, въ случаѣ его злоупотребленій, дать ему надлежащаго отпора, въ особенности, когда священникъ и матеріально будетъ независимъ отъ нея. Конечно она будетъ видѣть и по своему чувствовать высокоуміе, пренебреженіе и холодность къ ней пастыря. Но она не станетъ никуда на него жаловаться, за это, а затаитъ эти чувства въ себѣ и переработаетъ ихъ въ глухую ненависть и вражду къ духовенству. Если и теперь, духовенство не можетъ особенно похвалиться симпатіями къ себѣ простаго народа, то тогда, когда духовенство, благодаря жалованью изъ казны, перейдетъ на положеніе особаго духовнаго чиновничества, оно окончательно порветъ всѣ

связи въ народомъ и сойдегъ на незавидное положеніе различныхъ урядниковъ, становыхъ, земскихъ и др. сельскихъ властей. А ясно, что подобное взаимоотношеніе пастыря и пасомыхъ будетъ, по характерному выраженію автора статьи, настоящей, „могилой“ для истинно пастырскаго дѣланія.

Меньше согласны мы съ авторомъ въ другомъ вопросѣ— въ вопросѣ о земельномъ надѣлѣ причтовъ. Здѣсь авторъ, прежде всего, безъ нужды раздвигаетъ рамки вопроса: онъ критикуетъ непомѣрный ростъ средневѣковыхъ владѣній католической церкви и громадную территорію древне-русскихъ церковно-монастырскихъ земель. Конечно, все это было крайне ненормально; но вѣдь недаромъ оно осуждено самой жизнью и отошло въ область историческихъ воспоминаній. Въ настоящее же время ни монастырскіе, ни тѣмъ болѣе церковные земельные надѣлы не представляютъ ничего подобнаго, а наоборотъ—это очень скромны. И мы по долгу справедливости рѣшаемъ взять подъ свою защиту опредѣленный церковно-причтовый надѣлъ, установленный еще по указу Екатерины II, въ 33 десятины при каждой сельской церкви.

Приходское духовенство, въ особенности, если оно состоитъ изъ трехъ лицъ (священника, діакона и псаломщика), имѣетъ, на нашъ взглядъ, полное право на эти съ небольшими 30 десятины. Вѣдь, даже по самымъ прогрессивнымъ проектамъ о земельной разверсткѣ и трудовой нормѣ, всякій сельскій обыватель имѣетъ право на 8—10 десятины земли. Слѣдовательно, члены причта, наравнѣ со всѣми остальными обывателями, имѣютъ неотъемлемое право на земельную собственность; и тѣ 10—11 десятины, которыя приходятся въ настоящее время на долю каждаго изъ членовъ клира, почти не превосходятъ его законной, трудовой нормы. Самое большое, что въ интересахъ торжества справедливости, слѣдуетъ сдѣлать—это раздѣлить церковную землю между членами причта, не по доходу, какъ теперь, а по-ровну, по 11 десятины на каждаго, нисколько не обижая въ этомъ отношеніи и младшихъ членовъ клира, въ особенности, псаломщиковъ, которые, насколько намъ извѣстны, почти повсюду обрабатываютъ эту землю своими собственными руками, т. е. вполне удовлетворяя новымъ требованіямъ личнаго земельного и сельско-хозяйственнаго труда. Въ случаѣ отнятія у

причта церковной земли и разверстки ея между крестьянами, для послѣднихъ получается слишкомъ ничтожный плюсъ, чтобы можно было сколько нибудь серьезно говорить о восполненіи такимъ путемъ крестьянскаго малоземелья. Для самихъ же клириковъ это и чувствительно матеріальный ущербъ и серьезная экономическая обида и, наконецъ, вредное уничтоженіе крѣпкихъ нитей, связывающихъ ихъ съ мѣстной жизнью своихъ прихожанъ, съ радостями и невзгодами ихъ сельско-хозяйственнаго быта. Мы не говоримъ уже о томъ, къ сожалѣнію рѣдко оправдывающимся въ жизни, явленіи, что хозяйство членовъ причта, какъ людей болѣе высокой культуры, можетъ служить показателемъ и проводникомъ новыхъ, улучшенныхъ приѣмовъ сельскаго хозяйства, садоводства, пчеловодства и т. п. Словомъ, лишать сельское причты ихъ очень скромныхъ земельныхъ надѣловъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ нераціонально—это и несправедливо, и вредно для дѣла.

Вполнѣ раздѣляемъ мы и данное авторомъ положительное рѣшеніе вопроса о матеріальномъ обеспеченіи духовенства черезъ посредство преобразованной приходской общины, которая сама должна будетъ установить опредѣленные взносы со всѣхъ прихожанъ въ общеприходскую казну, откуда будетъ получать условленное содержаніе и весь церковный причтъ. Къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ кратко коснулся этого, главнѣйшаго пункта и совершенно не развилъ своей мысли. Это попытаемся сдѣлать теперь мы.

Несомнѣнно, что вопроса о матеріальномъ обеспеченіи духовенства нельзя рѣшать отдѣльно отъ всѣхъ другихъ вопросовъ, съ которыми онъ неразрывно связанъ и прежде всего, отъ вопроса о возрожденіи прихода и выборномъ началѣ духовенства. Только созданіе автономной, самоуправляющейся приходской общины (несколько, разумѣется, неисключающей надъ собою каноническаго контроля высшей епархіальной власти) и передача въ ея руки всѣхъ хозяйственно-административныхъ дѣлъ прихода, только одно оно можетъ разумно, справедливо и для всѣхъ безобидно рѣшить вопросъ о матеріальномъ довольствѣ членовъ причта.

Мы зашли слишкомъ бѣ далеко, если бы стали подробно развивать свои планы о желательной коренной реформѣ прихода и наилучшимъ устройствѣ въ немъ матеріально эконо-

мической стороны дѣла. Не отказываясь сдѣлать со временемъ и это, мы въ настоящій разъ ограничимся краткой справкой о томъ, какъ разрѣшенъ интересующій насъ вопросъ почти на всемъ современномъ православномъ Востокѣ, гдѣ духовенство получаетъ свое содержаніе изъ приходской казны.

Вотъ, напр. какъ организованъ приходъ и всѣ стороны его административно-хозяйственнаго быта въ автокефальныхъ церквахъ православныхъ Сербовъ и Румынъ (Карловицкая и Сибиньская митрополіи), живущихъ въ предѣлахъ Австро-Венгрии и отличающихся наиболѣе высокимъ развитіемъ, по сравненію со всѣми остальными обитателями Балканскаго полуострова.

Основной ячейкой церковнаго управленія служить тамъ *парохія* или приходъ. Въ составъ этого прихода съ правомъ рѣшающаго голоса входятъ всѣ совершеннолѣтніе, самостоятельно живущіе и аккуратно исполняющіе свои религіозныя обязанности мѣстные прихожане.

Разъ въ годъ, обычно въ началѣ Января, всѣ члены даннаго прихода собираются на „общеприходское собраніе“, которое, собственно говоря, и вѣдаетъ всѣ дѣла своего прихода, начиная съ выбора духовенства и кончая вопросами о ремонтѣ храма или причтовыхъ построекъ. Но фактически занятія „приходскаго собранія“ сводятся къ выслушанію отчета, составленнаго „приходскимъ совѣтомъ“ и къ переизбранію его членовъ. Этотъ „приходскій совѣтъ“, избранный на одинъ годъ и вершитъ всѣ текущія дѣла прихода. Онъ составляется путемъ выборовъ на общеприходскомъ собраніи, съ расчетомъ приблизительно по одному человѣку съ сотни прихожанъ. Такъ что, если въ приходѣ имѣется тысяча прихожанъ, то совѣтъ будетъ состоять изъ десяти человѣкъ. При выборахъ въ совѣтъ строго наблюдается, чтобы между будущими его членами не было близкаго родства и вообще, чтобы въ него попадали лучшіе и наиболѣе добросовѣстные люди, которые считаютъ для себя за честь подобное высокое избраніе. Во главѣ совѣта, обыкновенно, стоитъ мѣстный священникъ, а если ихъ нѣсколько, то старшій изъ нихъ.

Приходскій „совѣтъ“—настоящая душа прихода. Онъ завѣдуетъ всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ церкви, онъ дѣлаетъ справедливую раскладку церковныхъ по-

винностей между всѣми прихожанами, онъ таксируетъ различныя требы, онъ собираетъ въ общеприходскую казну всѣ церковныя доходы, онъ назначаетъ конкурсъ на вакансїи священника, его помощника и клириковъ, онъ аккуратно выплачиваетъ по срокамъ условную сумму ихъ содержанія, словомъ, онъ является единственнымъ полновластнымъ хозяиномъ прихода и посредникомъ въ экономическихъ сношенїяхъ клириковъ съ ихъ паствою.

Благодаря такой системѣ, количество вознагражденїя священника тамъ стоитъ въ прямой зависимости отъ степени его пастырской энергїи и труда. Чѣмъ больше извѣстный пастырь дѣлаетъ для своего прихода, чѣмъ популярнѣе и дороже становится онъ для него, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ и его матеріальное обезпеченіе со стороны его прихода. И, разумѣется, наоборотъ, чѣмъ формальнѣе, чѣмъ бездушнѣе и казеннѣе священникъ относится къ исполненїю своихъ обязанностей, тѣмъ сильнѣе онъ рискуетъ уменьшить свое обезпеченіе, или даже и вовсе потерять свое мѣсто. Дѣятельный же и хорошій священникъ никогда не остается тамъ безъ соответствующей награды: даже если-бы мѣстная парохїя, по своей малолюдности и бѣднотѣ, и не могла-бы дать ему лучшаго вознагражденїя, онъ непременно рано или поздно получаетъ приглашенїе отъ другой, болѣе обезпеченной парохїи. Бояться-же, наконецъ, какого-либо произвола со стороны церковнаго совѣта и даже полнаго лишенїя всякаго мѣста, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Во первыхъ, потому, что приходскїе совѣты отличаются тамъ высокой честностью и справедливостью, такъ что безъ основательныхъ причинъ со стороны самого клира, они никогда не нанесутъ ему незаслуженной обиды. Во вторыхъ, перемѣщенїе клириковъ находится подъ контролемъ и мѣстнаго архїерея и другихъ выборныхъ высшихъ церковныхъ инстанцій (пресвитерекаго совѣта и отбора конгресса), куда можно апеллировать на незаконныя рѣшенїя.

Мы далеки отъ мысли считать даже и такой порядокъ матеріальнаго обезпеченїя духовенства идеальнымъ и заслуживающимъ цѣликомъ пересадки, на нашу русскую почву. Безъ сомнѣнїя, при подобной пересадкѣ, у насъ нужны различныя и б. м. очень серьезныя измѣненїя и поправки. Но мы привѣтствуемъ здѣсь самый принципъ подобнаго независи-

маго отъ внѣшней власти и органически выростающаго изъ жизни самого прихода матеріальнаго обезпеченія духовенства и думаемъ, что только имъ создается наилучшая гарантія всѣхъ встрѣчныхъ и взаимопереплетающихся интересовъ духовенства и прихожанъ въ такомъ сложномъ и щекотливомъ дѣлѣ, какъ матеріальное обезпеченіе членовъ приходскаго клира.

Въ заключеніе всего, позволимъ себѣ высказать рядъ практическихъ дезидератъ. Начинать необходимо съ самаго важнаго и основнаго — съ устройства самоуправляющагося прихода, частіе, съ организаціи въ немъ выборнаго „совѣта“, на который и должно быть возложено все дѣло веденія хозяйственно-экономической стороны приходской жизни.

Затѣмъ, безусловно необходимо произвести новую, болѣе справедливую и равномѣрную разверстку населенія по приходамъ, чтобы уничтожить наблюдаемая теперь крайне ненормальныя явленія, когда изъ двухъ стоящихъ рядомъ приходовъ одинъ обремененъ 1500—1800 прихожанъ, другой едва насчитываетъ отъ 300—500 душъ. Въ интересахъ какъ клира, такъ и прихожанъ слѣдовало-бы за норму сельскаго прихода признать составъ его въ 1000 душъ.

Съ каждой такой приходской души, совѣтъ прихода, по уполномочію общаго собранія, долженъ собрать не менѣе 2 рублей, спеціально на содержаніе причта. Оплата экстраординарныхъ службъ и требъ дать приличную сумму на содержаніе храма и другія приходскія нужды.

Соображая всѣ наличныя условія современной сельской жизни, изъ 2000 руб. собранныхъ на содержаніе трехъ членовъ клира, мы полагаемъ-бы справедливымъ, 1000 руб. назначить на долю священника, 600 руб. на долю діакона, возложивъ на него и все приходско-совѣтское дѣлопроизводство и 400 рублей — на долю псаломщика, вмѣнивъ ему въ обязанность быть вмѣстѣ и регентомъ приходскаго хора.